

Цетинье, 6 (19) августа 1912 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 586.

- ⁹ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о необходимости принятия решительных мер для предупреждения общебалканской войны, № 924, Цетинье, 2 (15) сентября 1912 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 591.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.11

Офицеры Русского отряда – Л.П. Сукачев и В.В. Берестовский – о причинах переворота в Албании в 1924 г.

Дмитрий Эдуардович Частухин,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация; e-mail: dchs741@yandex.ru

Ключевые слова: История Албании, русская белая эмиграция, Л.П. Сукачев, В.В. Берестовский

Russian Unit Officers – Lev P. Sukachev and Vladimir V. Berestovsky – on the Reasons of the Albanian Coup d'État of 1924

Dmitry E. Chastukhin,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dchs741@yandex.ru

Keywords: Albanian history, White Russian émigré, Lev P. Sukachev, Vladimir V. Berestovsky

В 1924 г. в Албании произошло два государственных переворота. В июне правительство Ахмета-бея Зогу было свергнуто оппозицией во главе с православным епископом Фаном (Феофаном) Стилианом Ноли¹, а в декабре Зогу, бе-

жавший в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), вернулся во главе вооруженной группировки своих сторонников и сверг уже Фана Ноли*, установив фактический режим личной власти². Власти КСХС, хотя официально отклонили просьбу Ахмета Зогу о военном вмешательстве во внутренние дела Албании, негласно поддержали его и не препятствовали формированию его отрядов на территории королевства³. Одним из них стал сформированный из белоэмигрантов Русский отряд (РО). Поскольку правительство КСХС хотело контролировать ситуацию, оно поставило условие их создания — участие офицеров королевской армии в их руководстве. Поэтому РО возглавил полковник И.М. Миклашевский, один из немногих эмигрантов-военных, сумевших получить место в армии КСХС и при этом сохранить свой чин⁴. Русская армия, преобразованная 1 сентября 1924 г. в Русский общевоинский союз (РОВС), официально придерживалась позиции невмешательства во внутренние дела государств за пределами бывшей Российской империи. Именно по этой причине бывший главнокомандующий Русской армией П.Н. Врангель официально осудил участие военных в качестве наемников в Албании⁵.

Двое русских офицеров РО — штабс-ротмистр Лев Павлович Сукачев⁶ и полковник Владимир Владимирович Берестовский⁷ — оставили после себя мемуары, повествующие о событиях в Албании. Они были опубликованы соответственно в «Вестнике первопоходника» в 1964 г. и «Первопоходнике» в 1976 г.⁸ В России они впервые вышли в сборнике «Русская армия в изгнании» (2003, под редакцией С.В. Волкова)⁹.

В воспоминаниях одни и те же события принимают совершенно разную окраску. Описание самого похода и ход военных действий совпадает: формирование войск Ахмета Зогу в пограничном городе Дебар, переход ими албанской границы, бои с правительственными войсками, взятие городов Пешкопия (в обоих источниках Пешкопея) и Тирана.

* В обоих рассматриваемых источниках авторы пишут его имя как «Фаноли».

Однако в том, что касается характеристики политической подоплеку переворота, мемуаристы почти полностью расходятся.

«Ахмет-бей Зогу, который в это время был эмигрантом в [Королевстве] С.Х.С., решил свергнуть просоветское правительство православного епископа Фаноли в Албании [...] феодальный князь (которым фактически являлся Ахмет) решил привлечь “белых” русских, справедливо считая бывших участников Добровольческой армии самым подходящим элементом для ведения борьбы против “албанских красных”, все более и более наглежащих под ловким предводительством Краковецкого, главы советской миссии в Албании»¹⁰, — так охарактеризовал положение в Албании перед переворотом Сукачев. Впоследствии он добавил: «После ухода турок страной управляли “регенты”, но их правление было больше теоретическим. Жили они обыкновенно за границей, интересовались только получением жалованья, предоставив все государственные дела премьер-министрам. Таким премьером одно время после окончания Первой мировой войны был назначен Зогу; потом, путем разных интриг, Фаноли удалось занять его место, а Ахмет-бей оказался эмигрантом в [Королевстве] С.Х.С.»¹¹.

Берестовский писал об этом совершенно иным образом: «В Тиране находится советская миссия, возглавляемая одним из самых энергичных пропагандистов большевизма — Краковецким, цель которого — не только установить коммунистический режим в Албании, но и устроить в Тиране центр большевизма для всех Балкан. Его Величество Король Зогу I, будучи в это время эмигрантом в Королевстве С.Х.С., как глубокий патриот и националист, видел, что правительство Албании, возглавляемое епископом Фаноли, своей политикой ведет страну к гибели»¹².

Таким образом, в то время как Сукачев предстает более-менее осведомленным о политической ситуации в Албании человеком, который беспристрастно описывал конфликт между двумя представителями албанской политической элиты, одного из которых поддерживал СССР, а другого —

КСХС, Берестовский идеализировал фигуру «короля» Зогу и подавал поход его сторонников как акт монархической «белой борьбы». При этом оба офицера играли важную роль в создании и деятельности РО: Сукачев был первым, кто присоединился к полковнику Миклашевскому еще на этапе поиска добровольцев и активно содействовал ему в их вербовке и формировании отряда, а Берестовский стал помощником (заместителем) Миклашевского как командира отряда после его формирования¹³.

Различное мировоззрение и восприятие албанских реалий Сукачевым и Берестовским объясняется их социальным происхождением, военной карьерой и жизнью в эмиграции. Следует начать с общих черт их судеб. Оба были офицерами-кавалеристами, участниками Первой мировой и Гражданской войн в России. В эмиграции они оказались как офицеры Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) — Русской армии, эвакуированной и интернированной силами Антанты, и в ее составе попали на территорию КСХС, где оба в разное время служили в пограничной страже. После переворота 1924 г. оба остались в албанской армии и находились там до оккупации Албании Италией в 1939 г. До вступления в РО оба офицера жили в КСХС и, как большая часть русской эмиграции, придерживались монархических взглядов¹⁴.

Однако обратимся к различиям судеб двух офицеров-белоэмигрантов. Сукачев — потомственный дворянин, окончил Елисаветградское кавалерийское училище и был кадровым российским офицером «старого образца». Хотя он и служил в пограничной страже в начале 1920-х гг., но не задержался там надолго; участвовал в строительстве поместья Валево — Осечна, затем перебрался в Белград, где переменил множество занятий, не связанных с военным делом и политической деятельностью, о чем сам упоминает в своих мемуарах¹⁵.

Совершенно другая судьба была у Берестовского. Он не имел отношения к российскому кадровому офицерству, о чем свидетельствует тот факт, что в 1915 г. он числился в 9-м гусарском Киевском полку в чине прапорщика¹⁶,

младшем офицерском чине, который присваивали офицерам военного времени. Тем не менее во время Первой мировой и Гражданской войн он сделал головокружительную военную карьеру: в 1917 г. Берестовский был уже штабс-ротмистром¹⁷, а к концу Гражданской войны в России имел чин полковника. Можно сказать, что перед нами офицер военного времени, гордившийся своим возвышением. В эмиграции он остался в Русской армии. С апреля 1923 г., по договоренности, достигнутой между ее командованием и военным руководством КСХС, Берестовский командовал эскадронам киевских гусар, влившимися в состав пограничной стражи в Македонии¹⁸. Из материалов Иностранного отдела Государственного политического управления при НКВД СССР (ИНО ГПУ) известно, что в Скопье, где проживал Берестовский с весны 1923 г., была небольшая русская колония и монархически настроенный союз офицеров, в котором он, вероятно, состоял¹⁹.

Именно различиями эмигрантских судеб — авантюризмом одного офицера и активной вовлеченностью в жизнь Русской армии — РОВС другого — можно объяснить их различное восприятие албанских событий, в которых они поучаствовали в 1924 г. и которые определили их судьбу на дальнейшие 15 лет.

Примечания

¹ Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 109–110.

² Там же. С. 118–119.

³ Семенов К.К. Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг. М., 2019. С. 70.

⁴ Сукачев Л.П. В Албании // Русская армия в изгнании / предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 281–282.

⁵ Семенов К.К. Русская армия на чужбине. С. 74.

⁶ Сукачев Лев Павлович // Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 507.

⁷ Берестовский В.В. // Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. С. 77.

⁸ Русская армия в изгнании / предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 485.

⁹ Там же.

¹⁰ Сукачев Л.П. В Албании. С. 282.

- ¹¹ Там же. С. 284.
- ¹² *Берестовский В.В.* Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра — Тирана 10–26 декабря 1924 года // *Русская армия в изгнании*. С. 273.
- ¹³ *Сукачев Л.П.* В Албании. С. 282–283.
- ¹⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 49.
- ¹⁵ *Сукачев Л.П.* В Албании. С. 280–281.
- ¹⁶ Именной список потерь / Дело № 1189. С. 28 // Первая мировая война 1914–1918 — Информационный портал [сайт]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/10001143/?page_id=10312065 (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁷ Образы в ящике 7356-А. С. 604 // Первая мировая война 1914–1918 — Информационный портал [сайт]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/1129/?page_id=69124 (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁸ № 75. Рапорт генерал-лейтенанта И.Г. Барбовича генералу П.Н. Врангелю по поводу переговоров с полковником Еремичем о постановке частей Русской армии на границу и по другим вопросам // *Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы*. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды. С. 206.
- ¹⁹ № 77. Доклад резидента Иностранного отдела ГПУ из Берлина о положении и настроениях эмиграции на территории Юго-Славии // *Русская военная эмиграция 20–40-х годов*. С. 211. О русской колонии в Скопье подробнее см.: *Русская колония во Скопье (1920–1943 год). Сборник на документы*. Скопье, 2015.